

самоотреченія во имя любви, какъ сердечный императивъ,—это было впервые провозглашено въ Евангеліи. Эта мечта, это «безуміе», эта утопія—впервые блеснула въ Новомъ Писаніи.

И отъ первыхъ рассказовъ, изображающихъ вспышки среди людей святой стихіи любви и до «Воскресенія», «Отца Сергія» и др. вещей, Толстой бралъ этотъ огонь изъ горящаго во времени, какъ въ вѣчности, костра идей и утвержденій Христа.
